

Беременная кошка, или Снова о поэте Рубцове

Рассказ

Александр Быков - писатель-краевед, автор более 30 книг, в том числе знаменитых в Усть-Кубинском районе «Заднесельских оскоренок».

- Света, давай пойдем к Астафьевым? - предложил жене инструктор обкома комсомола Владимир Шириков.

- Неудобно, Володя, воскресный день. Мало ли у людей какие дела, а может, они отдыхают.

- Не говори глупости, Виктор Петрович меня сам приглашал, заходи, говорит, Володя, в любое время, у меня для тебя двери всегда открыты.

- Неудобно мне, - возразила Светлана, показав на свой «семимесячный» животик.

- Что такое? Надень платье пошире, и всё нормально.

- Да я не в этом смысле, - покраснела молодая жена, - тяжело уже ходить, особенно на этаж подниматься.

- Ерунда, - неумолимо сказал Шириков, - это тоже гимнастика, собирайся, пойдем, Мария Семеновна, жена Астафьева, наконец-то пирога напекла. Знаешь, какие у нее пироги? Объединение, сибирские!

- Ну хорошо, уговорил, - согласилась жена, и они пешком через город направились на улицу Яшина в гости к знаменитому писателю.

Виктор Петрович Астафьев недавно переехал в Вологду и очень хотел сродниться с этим городом и в первую очередь с его знаменитой писательской организацией. Имена Василия Белова, Александра Романова, Виктора Коротяева, Ольги Фокиной и других были на слуху.

Отдельно от всех поминали Николая Рубцова, но делали это осторожно. О талантливом поэте в городе ходили разные слухи, всё больше критического свойства: где-то напился, скандалил, кого-то оскорбил. При всем этом и мнение было единодушным, Рубцов писал замечательные лирические стихи.

Остальные поэты ему втайне завидовали, не упускали случая наполнить стакан дешевой бормотухой производства Кадуйского винограда, которую продавали в Вологде на каждом углу, и потешаться над быстро хмелеющим Колей.

В подпитии тот был ужасен, не терпел никакого слова, мог без всякого повода наброситься с оскорблениями и искренне обижался, что его никто не хотел понимать.

Пили многие, но стихи, пронзавшие сердце каждого любителя поэзии, писал в Вологде один Рубцов.

Около писательской организации крутилось много народа.

Корреспонденты обеих об-

ластных и кучи районных газет, начинающие поэты и писатели, которые трудились не по профилю. Все так или иначе имели свою толику общения с литературной богемой. Профессиональное чванство было не в чести.

Вот и Владимир Шириков, комсомольский работник, но не чужд литературного ремесла: пишет в газеты, мечтает издать книгу прозы. С Астафьевым он познакомился недавно, тот был в числе гостей на свадьбе у Володи и Светланы и оказался в кругу знакомых, к которым по правилам приличия полагалось ходить в гости.

Несмотря на календарную осень, день выдался погожий, почти летний. Улица Яшина тогда считалась окраиной Вологды, там только-только начали строить типовые кирпичные дома, решая жилищную проблему растущего города.

Шириковы прошли по Советскому проспекту мимо пристани, Петровского домика, полюбовались на снующие по реке корабли Сухонской речной флотилии, затем повернули направо к дому, где жил Астафьев.

Около крыльца их чуть не сбил невысокий лысый мужчина, выскочивший откуда-то из глубины подъезда.

- Коля, стой, куда ты? - крикнул ему Шириков и, наклонившись к жене, шепнул: - Это Рубцов, тот самый!

Мужчина обернулся, узнал Владимира, поздоровался.

Светлана из скромности смотрела на знаменитость, едва приподняв голову. «Невысокий, в какой-то серой одежде, с резкими и суетливыми движениями». Он быстро оглядел молодую женщину и так же быстро отвел глаза.

- Моя жена, Светлана, - представил Шириков, - а это Рубцов Николай, поэт.

- Вот ты говоришь, поэт, - вдруг начал Рубцов, - да, поэт, по-эт, - произнес он по слогам, как бы подчеркивая важность этого слова, - а разве можно поэта вот так, за шкуру и на улицу?

Рубцов побелел от злости, и только тут Светлана заметила, что он выпивши.

- Что случилось? - с участием спросил Шириков.

- Да ничего, просто я сюда больше ни ногой, вот так! - разгоряченно бросил поэт.

Светлана ощутила неудобство при этом раздраженном разговоре, стала рассеянно смотреть на кроны деревьев, но вдруг почувствовала, что кто-то трет ей об ноги. Она глянула вниз и увидела дворовую кошку. Кошка была беременна, доживала последние дни. Светлана взяла ее на руки и стала гладить. Кошка благодарно замурлыкала, добра в своей жизни она видела немного, и обрадовалась хорошему отношению.

- Зачем вы гладите грязную дворовую кошку? - возмущенно спросил ее Рубцов.

- Потому что мне ее жалко, - ответила Светлана, - у нее ничего нет, ни дома, ни друзей, и ее будущие котятки вряд ли выживут в таких условиях, так хоть я ее пожалю!

Рубцов притих, внимательно посмотрел на Светлану, быстро

и будто вспомнив что-то свое, отвел глаза.

«О чем он подумал?»

Николай снова остановил взгляд на беременной жене своего приятеля и вдруг широко улыбнулся очень светлой и беззащитной улыбкой. Гнев и раздражение исчезли с его лица, и Светлане показалось, что оно светится откуда-то изнутри.

- Правильно сделали, что погладили, - сказал он, - должен же кто-то сделать доброе дело.

Шириковы поднялись в квартиру Астафьевых. Их встретил раздраженный Виктор Петрович.

- Что случилось? - спросил его Владимир.

- Ничего такого, - вступила в разговор его жена Мария Семеновна, - всё утрясется. Идите мойте руки и за стол. Она улыбнулась Светлане и продолжила: - Вы всё хорошеете с каждым месяцем.

- Да где уж? - застеснялась Светлана.

- Вы не понимаете еще, беременность украшает женщину, делает ее неповторимой и совершенно очаровательной.

- Ну что вы, Мария Семеновна, какое тут очарование. Рубцов вот на меня посмотрел, как будто измерил.

- Вы видели Рубцова, где?

- Да около вашего подъезда.

- Не надо больше о Рубцове, - раздраженно произнес Астафьев. - Для того чтобы прослыть хамом, не обязательно становиться поэтом!

- Прекрати, Виктор, он был выпивши, слаб человек в таком состоянии.

- Я спустил его с лестницы, невзирая на все поэтические заслуги, и не стыжусь этого, - деловито заметил Астафьев, разрезая для гостей пирог, - впрочем, действительно, хватит о грустном, давайте лучше поговорим о литературе.

Через четыре месяца Рубцова не стало. Одни оплакивали поэта, другие мусолили подробности той роковой ночи, а Светлана вспоминала их недолгое знакомство. Они виделись еще три раза, всегда мимоходом, и однажды, уже после рождения ребенка, перед самым Новым годом они с Володей посетили его холостяцкое жилище.

«Никакого порядка в доме, - вспоминала Светлана, - на кухне куча бутылок и пыли, под кроватью чемодан с бумагами, которые Рубцов увлеченно показывал Ширикову. Следов женской руки в доме не было, странно, ведь в это время Рубцов уже жил в своей квартире с Дербиной».

Впрочем, нет, не странно - закономерно!

Светлана на всю жизнь запомнила улыбку поэта при их первой встрече, когда она гладила беременную дворовую кошку. Наверное, в душе он был добрый. Он и потом при всех коротких встречах ей улыбался. Рассказывали ей и про злого Рубцова, но для нее это был другой человек, не тот, с которым они жалели беременную кошку.

Александр БЫКОВ.